

электронной форме целесообразно развивать как альтернативную модель формирования повода для возбуждения уголовного дела наряду с традиционным. Полагаем, что каждое вводимое законодателем технологическое решение в ходе пилотных проектов, в рамках эксперимента в среднесрочной перспективе должно реализовываться наравне с возможностью применения прежнего порядка производства тех или иных процессуальных действий по ходатайству заинтересованных лиц (с их согласия).

Л.А. Воскобитова, анализируя попытки автоматизировать начальный этап уголовного судопроизводства в российской практике, справедливо акцентирует внимание на преобладании ведомственного подхода в такой цифровизации, когда «цифровые технологии „вписываются“ в общую работу того или иного ведомства» [11, с. 64]. И это важное замечание: в системе правоохранительных органов сейчас, пожалуй, не осталось ни одного ведомства, которое еще не внедрило бы собственные модернизированные специальные программы и сервисы, аппаратные комплексы и т. п., позволяющие создавать, подписывать защищенные электронные документы, обеспечивать их хранение, обмен, передачу, консолидацию разнородных данных, поддерживать информационное взаимодействие при решении служебных задач и т. п. При этом сложно возразить уважаемому автору в том, что цифровизация уголовного судопроизводства должна происходить на единой платформе, обеспечивающей функциональное взаимодействие должностных лиц между разными ведомствами, реализующими отдельные этапы уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, цифровизация начальной стадии уголовного процесса является приоритетной задачей развития российского уголовно-процессуального законодательства в современный период, применение технических средств и технологий способствует своевременности и оперативности реагирования на поступившие сигналы о преступлении, придает оптимизируемым процедурам прозрачность и контролируемость и имеет большой потенциал в целях объективизации уголовно-процессуальной деятельности при возбуждении уголовных дел, повышения ее эффективности.

1. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журн. рос. права. 2018. № 2. С. 5–17.

2. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // LexRussica. 2019. № 9. С. 9–18.

3. Добровлянина О.В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Перм. юрид. альманах. 2019. № 1. С. 641–649.

4. Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибир. юрид. вестн. 2018. № 4. С. 118–123.

5. Пастухов П.С. Электронный документооборот в уголовном процессе США // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4. С. 81–87.

6. Рябинина Т.К., Лясковец А.В. Международное сотрудничество в сфере уголовного процесса: проблемы и перспективы // Изв. Юго-Запад. гос. ун-та. Серия «История и право». 2012. № 2-1. С. 19–23.

7. Масленникова Л.Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуал. проблемы рос. права. 2019. № 6. С. 137–146.

8. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.

9. Ищенко П.П. О путях реформирования и цифровизации начального этапа предварительного расследования // Вестн. Ун-та имени О.Е. Кутафина. 2019. № 8. С. 89–99.

10. Рябинина Т.К., Ряполова Я.П. Негативные последствия упразднения стадии возбуждения уголовного дела // Кримінальне провадження: новації процесуальної теорії та криміналістичної практики : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., Сімферополь-Алушта, 18–19 квіт. 2013 р. / Тавр. нац. ун-т ім. В.І. Вернадського ; редкол.: М.А. Михайлов (відпов. ред.), Т.В. Омельченко. Сімферополь, 2013. С. 130–132.

11. Усачев А.А. Цифровизация начального этапа досудебного производства и правовая определенность российского уголовного процесса // Вестн. Ун-та имени О.Е. Кутафина. 2019. № 8. С. 100–110.

12. Воскобитова Л.А. Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших // LexRussica. 2020. № 4. С. 53–68.

13. Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Оптимизация судебного контроля на начальном этапе уголовного судопроизводства в условиях цифровых технологий // Рос. юстиция. 2019. № 3. С. 41–43.

14. Бычков С.С., Попов А.М. Обеспечение информационной безопасности в системах электронного документооборота // Решетнев. чтения. 2013. Т. 2. С. 139–140.

УДК 343.12

А.В. Самко

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ И КАЗАХСТАНА: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

Уровнем демократизации правового режима в государстве является степень обеспечения внутренним законодательством свободы и личной неприкосновенности граждан [1, л. 2].

В этой связи особенно актуальной видится детальная регламентация соответствующих правоотношений при реализации органами уголовного преследования властных полномочий в сфере применения мер пресечения, когда происходит прямое вторжение государства в сферу прав и свобод человека, подчас с существенным их ограничением, наивысшей формой выражения которого является применение меры пресечения в виде заключения под стражу.

Заключение под стражу, являясь самой строгой мерой пресечения, в настоящее время продолжает оставаться одной из самых распространенных в следственной практике, в среднем по стране заключение под стражу применяется к 35 % лиц, дела по обвинению которых были направлены в суд. Подписка о невыезде и надлежащем поведении применяется примерно к 60–65 % обвиняемых, применение остальных мер пресечения в совокупности не превышает 1–2 % [2, с. 206].

Анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь в настоящее время позволяет говорить о том, что законодатель рассматривает исключительность применения меры пресечения в виде заключения под стражу лишь к отдельным категориям подозреваемых или обвиняемых. Так, в 2015 г. в ч. 1 ст. 126 УПК Республики Беларусь были внесены изменения, касающиеся указанных лиц по некоторым преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности. Согласно ч. 1 ст. 432 УПК Республики Беларусь при решении вопроса о применении меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в каждом случае должна обсуждаться возможность применения такой меры, как отдача несовершеннолетнего под присмотр.

В этой связи полагаем, что можно использовать компаративистский подход и подвергнуть анализу нормы, регламентирующие соответствующие правоотношения в Украине и Республике Казахстан.

Согласно ч. 1 ст. 183 УПК Украины содержание под стражей является исключительной мерой пресечения, которая применяется только в случае, если прокурор докажет, что ни одна из более мягких мер пресечения не сможет предотвратить риски, предусмотренные ст. 177 УПК Украины, регламентирующей цели и основания применения мер пресечения. На наш взгляд, указание на исключительность данной меры пресечения в большей степени ориентирует суды на скрупулезный анализ обозначенных в рассматриваемой норме требований. Кроме того, украинский законодатель более детально подходит к вопросу о возможности применения заключения под стражу к различным категориям подозреваемых и обвиняемых.

С целью оптимизации применения меры пресечения в виде заключения под стражу следует, как это сделано, например, в Республике Казахстан и

Украине, законодательно закрепить ее альтернативу, которая позволила бы максимально предупредить противоправное поведение подозреваемого или обвиняемого, в то же самое время не ограничивая его свободу, возможность трудиться и т. д. Подобной мерой пресечения в указанных государствах выступает залог, с чем, по нашему мнению, следует согласиться.

Так, согласно ч. 3 ст. 183 УПК Украины следственный судья, суд при вынесении постановления о применении меры пресечения в виде содержания под стражей обязан определить размер залога, достаточного для обеспечения выполнения подозреваемым, обвиняемым предусмотренных обязанностей. Уголовно-процессуальный закон Украины позволяет судье не выполнять эту обязанность лишь относительно преступления, совершенного с применением насилия или угрозой его применения, преступления, которое повлекло гибель человека, и в отношении лица, которому в рамках данного уголовного дела уже избиралась мера пресечения в виде залога, которая была им нарушена (ч. 4 ст. 183 УПК Украины).

Сходная регламентация содержится и в УПК Казахстана: следственный судья при вынесении постановления о санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражей, за исключением дел об особо тяжких преступлениях, обязан определить размер залога, достаточного для обеспечения выполнения подозреваемым, обвиняемым обязанностей, предусмотренных законом (ч. 8 ст. 148 УПК Республики Казахстан). При вынесении следственным судьей, судом постановления о санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражей залог не устанавливается в случаях: 1) подозрения, обвинения лица в совершении умышленных преступлений, повлекших смерть потерпевшего; 2) подозрения, обвинения лица в совершении преступления в составе преступной группы; террористических и (или) экстремистских преступлений; особо тяжких преступлений, предусмотренных гл. 1, 4, 5, 11 и 17 УК Республики Казахстан, а также особо тяжких преступлений, совершенных в условиях чрезвычайной ситуации или в ходе массовых беспорядков; особо тяжких воинских преступлений, совершенных в военное время или в боевой обстановке; 3) наличия достаточных оснований полагать, что подозреваемый, обвиняемый будут препятствовать судопроизводству или скроются от следствия и суда; 4) наличия данных о продолжении подозреваемым, обвиняемым преступной деятельности; 5) нарушения подозреваемым, обвиняемым ранее избранной меры пресечения в виде залога по расследуемому уголовному делу (ч. 9 ст. 148 УПК Республики Казахстан).

Как видно из приведенных примеров, уголовно-процессуальное законодательство Украины и Казахстана устанавливает прямую обязанность следственного судьи (суда) установить размер залога и детально регламентирует обстоятельства, при которых последние от подобной обязанности

отстранены. Полагаем, что указанный порядок следовало бы распространить и на отечественный уголовный процесс, и с учетом того, что у нас рассматриваемую меру пресечения санкционирует прокурор, предлагаем ч. 3 ст. 126 УПК Республики Беларусь дополнить предложением следующего содержания: «При решении вопроса о даче санкции или вынесении постановления о заключении под стражу прокурор или его заместитель либо Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности, обязаны определить размер залога, достаточного для обеспечения выполнения подозреваемым, обвиняемым предусмотренных настоящим Кодексом обязанностей, за исключением случаев совершения ими преступления с применением насилия или угрозой его применения, преступления, которое повлекло гибель человека, и в отношении лица, которому в рамках данного уголовного дела уже избиралась мера пресечения в виде залога, которая была им нарушена».

Несмотря на то обстоятельство, что согласно ч. 1 ст. 124 УПК Республики Беларусь вид и размер залога устанавливает орган, ведущий уголовный процесс, установление размера залога прокурором в подобном случае не будет, на наш взгляд, противоречить требованиям закона, так как именно в подобной ситуации залог не носит характера самостоятельной меры пресечения, а лишь выступает в качестве альтернативы заключению под стражу.

1. Орлов Р.В. Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения на предварительном расследовании в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Иркутск, 2008.

2. Петрова О.В. Совершенствование порядка применения мер пресечения в современном обществе // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–14 окт. 2006 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А.В. Барков (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2007. С. 205–208.

УДК 343.102

А.С. Сенько

ПРОБЛЕМНЫЙ СПЕКТР РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ВНЕСЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В Республике Беларусь традиционно со стороны государства уделяется повышенное внимание профилактике правонарушений. В этой области принят ряд ключевых законодательных актов, государственных и

региональных программ, а также на системной основе осуществляются иные целевые правовые, организационные и материально-технические мероприятия по реализации общих и индивидуальных мер профилактики правонарушений в стране.

В этой связи небезыntenерсен вопрос о профилактической роли органов следствия в предупреждении уголовно-процессуальных правонарушений со стороны органов дознания. Следует отметить, что правоприменительная практика органов уголовного преследования, а также в определенной мере сообщество теоретиков-правоведов уделяют определенное внимание данному аспекту компетенционной деятельности должностных лиц органов предварительного следствия (Александров А.Н., Рудов Д.Н. Предупредительная деятельность следователя как один из важнейших аспектов обеспечения задач уголовного судопроизводства // Вестн. Белгор. юрид. ин-та МВД России. 2013. № 1. С. 33–37). В частности, обсуждается вопрос о полномочиях и формах профилактического воздействия органов предварительного следствия на органы дознания в связи с осуществлением последними уголовного преследования по уголовным делам и материалам до передачи их следователю. В качестве одной из таких форм выделяется полномочие по внесению следователями в орган дознания представления в порядке, предусмотренном ст. 199 УПК Республики Беларусь. В качестве основания внесения представления, как правило, признаются установленные следователями сведения об обстоятельствах, свидетельствующих о несоблюдении действующего законодательства со стороны лиц, производящих дознание при рассмотрении ими заявлений и сообщений о преступлениях либо производстве неотложных следственных и других процессуальных действий по уголовным делам.

По нашему мнению, по целому ряду причин с подобной точкой зрения вряд ли можно согласиться. Во-первых, данное мнение, полагаем, не основывается на действующем законодательстве. Так, уголовно-процессуальный закон гласит, что орган уголовного преследования, установив при производстве по материалам проверки или уголовному делу нарушения закона, а также причины и условия, способствовавшие совершению преступления, вправе внести в соответствующие организации или должностному лицу представление о принятии мер по устранению нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления (ст. 199 УПК). Таким образом, грамматическое толкование приведенного текста нормативной правовой нормы и систематическое ее толкование в общей системе правового регулирования полномочий следователя и его задач при производстве по материалам проверки и уголовному делу позволяют прийти к однозначному выводу